

УДК 82.091

ОРИЕНТИРЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.Н. Губская

*Белорусский государственный экономический университет
Минск, Республика Беларусь, o_gubskaya@mail.ru*

В статье обосновывается возможность сравнительного изучения китайской и белорусской литератур как направления компаративистики. Выявляются значительные параллели в тематическом диапазоне и нарративных стратегиях, обусловленные схожим историческим опытом. Особо подчеркивается, что война осмысливается в обеих культурах не как факультативная тема, а как экзистенциальная граница, сформировавшая национальное самосознание.

Ключевые слова: белорусско-китайская компаративистика; метафора; периодизация; евразийское литературное взаимодействие; героизация; литература факта.

Изучение китайской и белорусской литератур в сравнительном ключе представляет собой уникальный объект компаративистики, находящийся на пересечении различных культурно-исторических и геополитических парадигм. Возможно, мы стоим на этапе формирования нового компаративного направления – евразийское литературное взаимодействие. Несмотря на географическую и цивилизационную дистанцию, обе литературы в XX веке претерпели воздействие эпохальных исторических катаклизмов, что привело к значительным литературным параллелям в тематическом диапазоне и выработанных повествовательных стратегиях. Война закрепила в обеих культурах не в качестве факультативной темы, а как фундаментальная экзистенциальная граница, которая обусловила становление национального самосознания.

Творчество Лу Синя (1881–1936) и Максима Горького (1893–1938) может стать отправной точки компаративного анализа литературных произведений начала XX века. Оба писателя выступили не столько как основатели реалистической прозы XX века, сколько как создатели нарратива, моделирующего природу национального кризиса. Они пытались определить причину крестьянского смирения с бедностью, необразованностью, унижением. Значение Лу Синя и М. Горького определяется не только содержанием их произведений о войне и мирной жизни людей, но и особенностями повествовательной структуры – общей чертой творческой манеры, выраженной в тяготении к документальности и автобиографизму. Заявив о себе в переломные моменты истории своих народов, они осознали литературу прежде всего как средство социального воздействия.

По сути, с имен указанных выше писателей и начинается периодизация китайской и белорусской литератур Нового времени. Обращаясь к вопросу периодизации китайской литературы стоит отметить, что даже с опорой на принцип исто-

ризма, положенный в ее основу, у китайских исследователей нет единого взгляда на этот процесс. Специфике периодизации китайской литературы посвящена статья В.В. Жуковец «Особенности периодизации современной и новейшей китайской литературы» [1], глубокие исследования в области китайской литературы проводит А.Н. Коробова [2]. Обобщая имеющуюся информацию, отметим следующие этапы в развитии китайской литературы: 1911 (есть варианты 1917, 1918) – 1927 – период литературной революции (начало этапа Новой (современной) литературы Китая; развитие критического реализма); 1927-1937 – «Нанкинское десятилетие»/ годы социальных потрясений (начальный этап становления метода социалистического реализма); 1937-1949 – война сопротивления Японии / литература военных лет (развитие тематики национальной и классовой борьбы против агрессоров); 1949 – начало этапа Новейшей литературы. Рассмотрение периодизации китайской литературы XX века демонстрирует определенное сходство с процессом развития белорусской литературы этого же столетия. В статье «Літаратура Новага Кітая і Новая беларуская літаратура як этапныя з’явы культуры» нами выявлено типологическое сходство между настроениями, порожденными Октябрьской революцией 1917 года в белорусском обществе, и настроениями, вызванными «Движением 4 мая» 1919 года в Китае [3, с.120].

Таким образом, в Китае формирование новой литературной прозы, а лучше сказать «литературы перемен» происходило в контексте движения «Новой культуры» (Движение 4 мая 1919 г.) как реакции на крах империи. Публикация рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего» (1918) стала поворотным моментом, ознаменовавшим рождение новой китайской литературы на разговорном языке «байхуа». Литература воспринималась как инструмент диагностики национально-го характера, который отличался в то время духовным истощением и смирением.

Творческий путь Максима Горьцкого совпал с активным революционным движением 1905–1917 гг. и Первой мировой войной. Его судьба и литература неразрывны – он был не просто свидетелем, но и непосредственным участником большинства исторических событий, которые нашли отражение в его творчестве. Цикл рассказов «Рунь» и повесть «На империалистической войне» с документальной точностью отражают тяжести жизни белорусского крестьянина в мирное время и его безысходность перед лицом войны. Очевидно, что одной из главных художественных находок обоих писателей стал новый герой – маленький человек, путь к переменам в жизни которого тернист и непрост.

Творческая стратегия Лу Синя основывалась на методологии критической рефлексии. В «Дневнике сумасшедшего» (狂人日记) (1918) он вводит метафору «духовного каннибализма» как общественной патологии, а в «Подлинной истории А-Кью» (阿Q正传) (1921-1922) создает архетип пораженческого сознания. Основная патология, описанная Лу Синем в повести «Дневник сумасшедшего», это каннибализм – не физический, а как метафора социального и морального уничтожения человека человеком в рамках патриархального общества. По мнению Лу Синя, болезнь китайского традиционного общества заключается в том, что насилие в нем узаконено как обычный порядок вещей. Сильный (будь то отец, помещик, старейшина или государство) имеет право морально, психологически и экономически подавлять слабого – по сути, пожирать его. Люди даже не осознают, что они «едят» друг друга, потому что эта система закреплена в ритуалах, конфуцианской морали и семейных устоях. «Только сегодня я понял, что живу в мире, где на

протяжении четырех тысяч лет едят людей; когда умерла сестренка, старший брат как раз вел хозяйство, и кто знает, не накормил ли он нас тайком мясом», – пишет Лу Синь в повести [4].

Писатель утверждал, что военные поражения Китая (Опиумные войны, боксерское восстание и др.) – это лишь внешнее проявление этой внутренней патологии. Пока в обществе царит «каннибализм», любые попытки создать современную армию или дать отпор внешнему врагу обречены на провал. Для Лу Синя военный конфликт превращается в условный код: речь идет не о физическом насилии, а о борьбе с патологиями массового сознания. Война у него представлена как аллегория социальной болезни, требующей не столько военной победы, сколько духовного лечения. В сборнике «К оружию» (呐喊) (1923), само название которого метафорично, Лу Синь призывает читателей к культурной войне против феодальных пережитков и национальной апатии.

В отличие от Лу Синя, который наблюдал за кризисом со стороны (как врач, затем профессор), М. Горецкий находился внутри всех трагических событий, именно поэтому китайский писатель фиксирует «диагноз» через метафоры и сатиру, а белорусский – через документ и личный опыт. Лу Синь отражает внутреннюю катастрофу, утверждая, что война уже идет внутри общества, просто люди этого не замечают. М. Горецкий жестко, а порой и эмоционально, фиксирует внешнюю катастрофу, которая заставляет задуматься о патологии каннибализма: «Пашин с размаху швыряет в окоп желтую кожаную сумку с инструментом для соединения кабеля и бросается туда, где лежит его земляк с выпавшими кишками. Но несчастный уже скрючил на груди немые, руки и на глазах синее, чернеет... Фельдшер крестится, Пашин – тоже и рукавом смахивает слезы, будто мух отгоняет. Мне на этот раз хочется сделать, как и они, да рука не поднимается: при виде этих порванных кишок я верю и не верю, что есть нечто, что зовется Богом» [5, с. 268]; «Мы с ними культурились, а они с нами свинячатся», – кто это сказал? Или, может быть, я сам придумал? Не знаю. Но все – скоты двуногие. Да здравствует война – уничтожение скотов скотами! Мы не люди, мы – быдло...» [5, с. 272]. При этом, мировосприятие позволяет М. Горецкому и в реальном факте находить место для образа или философского наблюдения. Несмотря на разницу творческих ракурсов (Лу Синь – внешний наблюдатель, М. Горецкий – вовлеченный очевидец событий), оба автора приходят к выводу о том, что насилие не решает глубинных проблем общества, а лишь обнажает его «внутреннюю патологию» – будь то в китайской деревне или в окопах периода Первой мировой.

Если говорить о развитии литературы середины XX века, то и в Китае, и в Беларуси этот процесс был связан с серьезными военными конфликтами. Для Китая – это Антияпонская война (1937–1945), Гражданская война (1945–1949), Корейская война (1950–1953), Вьетнамская война (1959–1975); для Беларуси – Великая отечественная война 1940–1945 гг.

Период 1940–1960-х годов стал важной эпохой для китайской военной литературы. В это время появилось множество классических произведений, отражающих Антияпонскую (1937–1945) и Гражданскую войны (1945–1949). Большинство авторов были непосредственными участниками событий, что придает их произведениям особую достоверность и силу воздействия. Так, роман «Герои Люйляна» (1946) (吕梁英雄传; в переводе на русский язык вышел в 1951 г.) был написан по горячим следам событий. В 1944 году Ма Фэн и Си Жун, будучи молодыми со-

трудниками газеты «Цзиньсуй дачжунбао», присутствовали на съезде героев-партизан. Впечатленные их подвигами, они решили создать художественное произведение на основе реальных историй. В белорусской литературе в данном контексте тематически близким является роман-эпопея М. Лынькова «Незабываемые дни» (1948-1958) («Векапомныя дні»): партизанская борьба против немецко-фашистских захватчиков на территории Беларуси и партизанская борьба против японских захватчиков в горах Люйлян демонстрируют не только силу духа народа, но и прославляют народного героизм, развивают идею о решающей роли народа в историческом процессе. Оба произведения имеют документальную основу и прототипов – в китайском романе это 124 реальных участника IV Всекитайской конференции героев (1944 г.), в белорусском – известные всем К. Заслонов, В. Козлов, И. Варвашеня, Е. Мазаник.

Широкую известность в Китае имеет роман Фэн Дзин «Горький цветок» (1958) (苦菜花; в переводе на русский язык вышел в 1959 г. под названием «Цветы осота»). В романе описывается борьба крестьян провинции Шаньдун против японских захватчиков. В центре повествования – судьба женщины, матери семейства, которая из простой крестьянки превращается в стойкую революционерку. Название романа символично: горький цветок осот – это метафора тяжелой жизни народа, которая, несмотря на все страдания, все же расцветает.

Основываясь на хронологические рамки, жанровую принадлежность и тематику произведение Фэн Дзина «Горький цветок» можно сопоставить с романом Ивана Шамякина «Глубокое течение» (1957) – произведением, повествующим о подпольной борьбе в Беларуси. Образ матери-героини – главная точка соприкосновения двух книг, оба автора ставят в центр повествования женщину, мать семейства. В белорусской литературе образ женщины на войне привлек внимание А. Чернооккой, которая в одной из своих статей отмечала следующее: «У рамане Івана Шамякіна «Глыбокае плынь», апавяданнях Янкі Брыля «Зялёная школа», Алеся Стаховіча «У Міхайлаўцы», Кузьмы Чорнага «Агонь», Івана Мележа «Праз год», Янкі Шарахоўскага «Праксэда» і інш. з'яўляюцца вобразы жанчын, якія ратуюць ахвяраў вайны і такім чынам выяўляюць гуманізм, мужнасць, пачуццё справядлівасці – або здзяйсняюць учынак, скіраваны супраць ворагаў як нешта належнае, натуральнае, што таксама сведчыць пра іх смеласць, імкненне супрацьстаяць злу» [6]. К указанным в цитате названиям произведений, которые также могут выступить предметом компаративного исследования в контексте изучения военной прозы, стоит добавить роман А. Адамовича «Война под крышами» (1960)».

Военная проза В. Быкова уже вошла в парадигму белорусско-китайской компаративистики. Как пишет Гуань Линьли, «После “реформы и открытости” многие быковские произведения были переведены на китайский язык. В 1980 г. в Китае вышла книга «Рассказы Василя Быкова», в 1981 г. – «Пойти и не вернуться», в 1982 г. – «Сотников», в 1984 г. – «Журавлиный крик», «Альпийская баллада», а в 1988 г. – «Знак беды». В 1989 году в журнале «Современная зарубежная литература» Чэнь Цзинюн опубликовал статью «Три рассказа Василя Быкова» («Третья ракета», «Сотников», «Знак беды»). Эти произведения сыграли важную роль в формировании военной литературы Китая. Особенное внимание уделяется рецепции в китайской повести таких произведений В. Быкова как «Сотников» и «В тумане» [7]. Гуань Линьли выявляет типологическое сходство между героями Быкова и китайского писателя Ю Фэнвэй: и те и другие – трагические персонажи,

движимые чувством вины и ответственности перед людьми и историей. Их поступки раскрывают экзистенциальную ситуацию, требующую от человека нравственного выбора. Очевидно, что В. Быков интересен китайскому читателю не столько батальными сценами, сколько исследованием психологии человека в экстремальной ситуации.

Произведения В. Быкова часто сопоставляют с творчеством китайского прозаика Юй Хуа. Основанием для сравнения служит схожесть их художественных методов в изображении трагических сторон жизни: нищеты, жестокости и тяжелого исторического опыта (у Юй Хуа – периода Культурной революции, у Быкова – Великой Отечественной войны). Китайские литературоведы и читатели обычно сравнивают с прозой белорусского писателя произведения «Записки о кошачьем городе» (猫城记) Лао Шэ, «Песня о молодёжи» (青春之歌) Ян Мо, «Жить» (活着) Юй Хуа.

Статья Н. А. Боровика «Творчасць Васіля Быкава ў крытыцы і літаратурнаўстве Кітая» [8] дае основательны анализ китайских научных исследований, посвященных рецепции творчества В. Быкова.

Кульминацией сравнительного анализа становится рассмотрение феномена документальной прозы как высшей формы свидетельства о трагических событиях войны. В Китае долгое время доминировала «документальная агиография» – мемуары участников Великого похода и войны с Японией, включенные в партийную историю. Очерки о героях-бойцах выполняли дидактическую функцию, используя факт как иллюстрацию героического мифа. Трансформация этой традиции произошла лишь в конце 1970-х годов, в период реформ, с появлением «литературы шрамов» (伤痕文学). Как отмечает А. Н. Коробова: «На первом этапе (1978–1981) большинство авторов стремилось выплеснуть пережитой ужас на страницы книг, высказаться о репрессиях. Имело место своего рода «протоколирование» страшной действительности, многие произведения основывались на автобиографическом материале» [9, с. 6].

Повесть Лу Синьхуа «Рана» (1978) стала программным текстом, где факт личного страдания (физического и духовного) в годы Культурной революции используется не для героизации, а для обличения мифологизированной истории и выполнения терапевтической функции.

Белорусская традиция также прошла путь от героической хроники к этике свидетельства. Книга А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника «Я из огненной деревни» (1975) совершила творческих прорыв, создав «хоровое свидетельство» через монтаж голосов жертв геноцида. Факт здесь фиксирует не только историю сожженных деревень, но и психологическую травму, пережитую участниками трагедии. Очевидно, что и в китайской, и в белорусской литературах «литература факта» становится инструментом деколонизации памяти от официального мифа, будь то миф о «великой эпохе» (период Культурной революции в Китае) или миф о «героическом единстве» (события Великой Отечественной войны).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что векторы белорусско-китайской литературной компаративистики формируются вокруг основных событий национальной истории. Общим для обеих традиций является движение от «социальной диагностики» (Лу Синь, М. Горецкий) к героическому эпосу (романы 1950–1960-х) и далее к экзистенциальному свидетельству (В. Быков, А. Адамович, Ю Фэнвэй, Юй Хуа, Лу Синьхуа и др.). Различия определяются идеологическим

контекстом: если белорусская литература смогла пройти путь деконструкции официального героического дискурса уже в 1970-е годы, то китайская литература пришла к аналогичному процессу лишь в конце 1970-х – 1980-е годы, но зато сфокусировалась на травме, нанесенной не столько внешним врагом, сколько внутренними социальными катаклизмами.

Евразийский диалог в данном случае обретает реальное содержание: он позволяет увидеть, как различные культурные традиции смогли найти общий язык в главном – в стремлении сохранить память о мужестве и силе духа человека перед лицом катастрофы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Жуковец, В. В. Особенности периодизации современной и новейшей китайской литературы / В. В. Жуковец // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы VII Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, Мінск, 3 сак. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. У. Зуева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2023. – С. 507-513.
2. Коробова, А. Н. Литература [1911–1927]; Литература [1927–1949] / А. Н. Коробова // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 тт. Гл. ред. С.Л. Тихвинский. –Т. VII: Китайская республика (1912–1949 гг.). Отв. ред. тома Н.Л.Мамаева. М., Наука – Восточная литература, 2013. С. 198-205, 653-661.
3. Губская, В. М. Літаратура Новага Кітая і новая беларуская літаратура як этапныя з'явы культуры / В. М. Губская // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : Сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 года / Редколлегия: М.В. Мишкевич [и др.]. – Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет, 2019. – Р. 119-122.
4. Лу Синь. Записки сумасшедшего / Синь Лу. – URL : <https://www.litres.ru/book/lu-sin/zapiski-sumasshedshego-71926387/chitat-onlayn/> (дата доступа 09.05.2026).
5. Горецкий, М. И. Родные корни / М. И. Горецкий. – Минск : Звезда, 2014. – 352 с.
6. Чарнавокая, А. М. Сімвалічныя жаночыя вобразы ў беларускай прозе 1940-х гг. / А. М. Чарнавокая // Материалы конференции «Вялікая Айчынная вайна ў гістарычнай памяці народа», 2020. – С. 1–9. – URL : <http://www.hcpncr.com/konf2020/konf2020> (дата доступа: 26.04.2026).
7. Гуань Линьли. Трагические мотивы военной литературы в интерпретации Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия победы в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах / Гуань Линьли // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskie-motivy-voennoy-literatury-v-interpretatsii-vasilya-bykova-i-yu-fenvey-pamyati-75-letiya-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-i> (дата обращения: 26.04.2026).
8. Баравік, М. А. Творчасць Васіля Быкава ў крытыцы і літаратуразнаўстве Кітая / М. А. Баравік // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2023. – № 4 (125). – С. 43–50.
9. Коробова А. Н. Китайская проза новейшего периода (с 1979 г. по настоящее время) / А. Н. Коробова. – М.: ИПЦ «МАСКА», 2018. – 72 с.

ORIENTATIONS OF BELARUSIAN-CHINESE COMPARATIVE STUDIES IN THE CONTEXT OF EURASIAN LITERARY INTERACTION

O.N. Gubskaya

*Belarusian State Economic University
Minsk, Republic of Belarus, o_gubskaya@mail.ru*

The article substantiates the possibility of a comparative study of Chinese and Belarusian literatures as a branch of comparative studies. Significant parallels are identified in the thematic range and narrative strategies, conditioned by similar historical experiences. It is particularly

emphasized that war is conceptualized in both cultures not as an optional theme but as an existential boundary that has shaped national identity.

Keywords: Belarusian-Chinese comparative studies; metaphor; periodization; Eurasian literary interaction; heroization; fact literature (documentary literature).